

Сяо Тан иногда позволял себе вольности перед Гу Цинчэном, но перед Цзян Чэном он не осмеливался даже пикнуть, только неловко улыбался. Хотя он и не соглашался, но и не отказывался. Лицо Гу Цинчэна стало мрачным, но он был человеком, который дорожил своей репутацией, и не хотел устраивать сцену. Цзян Чэн, похоже, хорошо понимал его характер и сказал:

— Пошли? Иначе, если мы будем стоять здесь, те, кто знают, подумают, что я просто пригласил тебя на ужин, а те, кто не в курсе, решат, что я пытаюсь тебя соблазнить. Ты выглядишь так, будто хранишь свою непорочность.

Гу Цинчэн смутился, оглянулся и увидел, что многие смотрят в их сторону. Он нервно подвигал губами, его руки слегка дрожали, когда он надевал солнцезащитные очки. С очками, скрывающими глаза, он почувствовал себя в безопасности, будто весь спрятался за ними. Он сжал губы, его голос звучал раздраженно, но с легкой дрожью:

— Если будем есть, то быстрее. Хватит болтать.

Цзян Чэн сказал:

— Вот и правильно. Зачем ты со мной церемонишься.

Гу Цинчэн почувствовал, что этот Цзян Чэн кажется ему чужим.

На самом деле они и раньше были не близки, но в прошлой жизни Цзян Чэн, в те редкие встречи, вел себя иначе. Хотя он и слышал, что у Цзян Чэна плохая репутация — грубый и невоспитанный, но тот всегда был с ним вежлив, даже с намеком на симпатию. Каждый раз, когда они встречались, Цзян Чэн говорил мягко и любезно. Гу Цинчэн был из тех, кто не ценит доброту, и из-за такого отношения он испытывал к нему еще большее отвращение.

Теперь же Цзян Чэн вел себя с ним более жестко, его слова были напористыми, и Гу Цинчэн чувствовал себя растерянным, становясь более покладистым.

Он понимал, что в глубине души у него есть рабская натура, но он стыдился этого, поэтому иногда старался казаться высокомерным и холодным. Это приводило к тому, что он иногда выглядел немного странно. Перед тем как сесть в машину, он взглянул на Цзян Чэна и сказал:

— Только ужин, больше ничего.

— Знаю.

Получив обещание, Гу Цинчэн сел в машину, и громкий звук захлопнувшейся двери заставил его вздрогнуть. Поскольку был водитель, Цзян Чэн тоже сел на заднее сиденье. Они сидели на расстоянии одного сиденья друг от друга, и атмосфера была неловкой. Гу Цинчэн думал о предстоящем ужине, и его сердце начало биться быстрее. Он совсем не знал Цзян Чэна и не понимал, зачем тот хочет с ним ужинать. Два незнакомых мужчины, сидящие вместе и молча едящие, — разве это не неловко?

Чтобы как-то облегчить ситуацию, он спросил:

— Ты из Даньдуна?

Цзян Чэн, казалось, удивился, повернулся к нему:

— Ты...

— Я слышал от одной девушки из вашей компании. Я тоже из Даньдуна. Какое совпадение, мы земляки.

На лице Цзян Чэна промелькнуло что-то странное, но он только сказал:

— Возможно, мы раньше встречались.

— Вряд ли это так, — Гу Цинчэн посмотрел в окно. Внутри него зазвучал тревожный звонок. Он боялся, что Цзян Чэн попытается сблизиться, поэтому быстро сменил тему. — Куда мы поедем ужинать?

— Увидишь, когда приедем. Думаю, тебе понравится.

— Ты знаешь, что мне нравится? — Гу Цинчэн усмехнулся, повернувшись к Цзян Чэну.

К его удивлению, Цзян Чэн кивнул:

— Я знаю твои предпочтения.

Улыбка Гу Цинчэна замерла, и Цзян Чэн добавил:

— Возможно, ты меня не знаешь, но я знаю тебя давно.

— На каком-нибудь мероприятии? — Гу Цинчэн почувствовал неловкость. — У меня плохая память, и я редко обращаю внимание на людей. Даже тех, с кем общался, часто не помню.

— Мы познакомились не на мероприятии, это было раньше.

Гу Цинчэн удивился, а Цзян Чэн, казалось, раздраженно провел рукой по волосам:

— Ладно, ты все равно не помнишь.

Волосы Цзян Чэна, покрытые лаком, блестели, делая его нос более выразительным. Гу Цинчэн вспомнил слова той девушки и невольно сравнил. Он с досадой понял, что нос Цзян Чэна действительно был более высоким и мужественным, чем его. Говорят, что если у мужчины высокий нос и нет явных недостатков в чертах лица, то он будет привлекательным. Похоже, это правда.

Когда именно Цзян Чэн заметил его, он не хотел знать. Он был в шоу-бизнесе уже давно, участвовал во множестве мероприятий, и вполне возможно, что Цзян Чэн увидел его на одном из них. Это не было чем-то необычным. Если бы он продолжил расспросы, он боялся, что Цзян Чэн скажет что-то, с чем он не сможет справиться. Он не был мастером словесных баталий, а Цзян Чэн с его наглым поведением мог легко загнать его в угол.

Поэтому он приоткрыл окно, и ветер сразу ворвался внутрь, растрепав его волосы. Раньше он предпочитал короткие стрижки, но, попав в шоу-бизнес, сестрица Хун и другие сказали, что длинные волосы лучше подходят для стиля, поэтому он отрастил их, почти до бровей. Машина проехала по мосту Цинцзян, и ветер был особенно влажным и прохладным. На реке был зеленый остров, который выглядел очень живописно. Он смотрел на него, пока машина не пересекла мост, а затем выпрямился, почувствовав, что Цзян Чэн смотрит на него. Он крепко сжал губы, смотря прямо перед собой, и все больше убеждался, что Цзян Чэн действительно смотрит на него — открыто и без стеснения. Его горло сжалось, и он наконец не выдержал,

повернувшись. Цзян Чэн, облокотившись на сиденье, потирал подбородок большим пальцем и смотрел на него с «похабным» взглядом.

Простите за скудность словарного запаса, но в тот момент он действительно мог думать только о слове «похабный». Если бы нужно было найти другое слово, то это было бы «ненасытный».

Прошло две жизни, а Цзян Чэн так и не избавился от этой мерзкой привычки, что вызывало у Гу Цинчэна ярость. Он с недовольством поднял бровь:

— Ты на что смотришь?

— На тебя.

Гу Цинчэн усмехнулся:

— Зачем на меня смотреть?

— Ты очень красивый.

Эта глупая и нелепая фраза вылетела из уст Цзян Чэна. Гу Цинчэн понял, что недооценил степень бесстыдства этого человека. Цзян Чэн совершенно не стеснялся чужих взглядов, его похотливость была откровенной. Гу Цинчэн решил, что должен показать, насколько он прямой и мужественный, поэтому холодно произнес:

— Красивый, как член.

У мужчин много ругательств. Например, Цзян Чэн любил говорить «я, блин», а некоторые мужчины предпочитают «я, черт» или «я, бля». Но у Гу Цинчэна не было своих ругательств. Только перед камерой, во время интервью на своем неуверенном путунхуа, он использовал такие фразы, как «я думаю» или «ну, типа».

Гу Цинчэн жил с бабушкой и дедушкой до шестнадцати лет. В отличие от обычных бабушек и дедушек, которые балуют внуков, они воспитывали его строго, что сделало его несколько замкнутым и чувствительным. Когда он начал работать, он жил в общежитии, и двое его соседей постоянно ругались, что его шокировало. Подсознательно он считал, что такие грубые и вульгарные выражения могут быть признаком откровенности и уверенности настоящего мужчины.

Но как только он произнес это, взгляд Цзян Чэна изменился.

И это был опасный взгляд. Гу Цинчэн увидел, что Цзян Чэн не только не испугался, но, наоборот, в его глазах появился азарт. Он почувствовал панику и смущение, полностью открыл окно и повернулся к нему спиной.

Затем он услышал, как Цзян Чэн медленно спросил:

— А твой член красивый?

Гу Цинчэн крепко сжал губы, его уши покраснели, а в голосе Цзян Чэна слышалась злорадная усмешка.

Машина сделала несколько поворотов и остановилась на открытой площадке у реки. Гу Цинчэн быстро вышел из машины и, оглядевшись, был поражен.

Он не знал, что здесь есть такое красивое место. Река в этом месте была особенно широкой, словно большое озеро. Посреди воды стоял павильон с островом, а на нем — ресторан в традиционном китайском стиле, гармонично вписывающийся в пейзаж.

Цзян Чэн тоже вышел из машины и спросил:

— Здесь красиво, правда?

— Да.

<http://bllate.org/book/16564/1512416>